

Отец часто писал нам письма, о многом спрашивал. И я — иногда под диктовку матери, но больше сам — отвечал ему. Думаю, он понимал нашу “святую неправду” в письмах.

С уходом отца на фронт многое по дому пришлось делать и мне. С весны 1942-го прибавились заботы по огороду, с которого кормилась семья. Ранним утром мать спешила сделать что-то по хозяйству, потом уходила на колхозное поле, и все ложилось на мои плечи. Самой главной и трудной работой для меня была заготовка сена для коровы и топлива для дома.

В общем, жизнь круто изменилась. И мы, мальчишки военной поры, перешагнув через детство, сразу вошли во взрослую жизнь. Забыты забавы, игры, оставлена учеба. Целыми днями — один, дела по дому. Но иногда... Иногда, вдруг забыв обо всем на свете, замороженный зимней метелью или шелестом листьев сада в летнюю пору, мысленно я переселялся в какой-то далекий, нереальный, но такой желанный мир. В царство мечты...

Летом 1942-го от Ростова через наши места покатались волны отступления. Первая волна — тысячи эвакуированных

с Украины. Брели люди — кто с рюкзаками или мешком, кто с детской коляской или ручной тачкой. Гнали стада скота, табуны лошадей, овечьи отары.

Собрав свои пожитки, уехали неизвестно куда бабушка Василиса и дед Пантелей. На сельской нефтебазе открыли цистерны, и все горючее спустили в мелководную речушку Егорлык, сожгли необрунные хлебные поля: ничто не должно было достаться врагу.

Вторая волна подошла к нам во второй половине июля 1942 года, после того как наши войска оставили Ростов. Отступление было беспорядочным. Шли большими и малыми группами хмурые и усталые солдаты. На лицах — печать горечи и вины. Бомбовые взрывы, орудийный грохот слышались все ближе. Вместе с соседями мы выкопали на спуске к реке траншею, откуда я впервые увидел залп “катюш”: по небу со страшным свистом летели огненные стрелы...

А потом наступила тишина. Два дня тишины. Ни наших, ни немецких войск. 3 августа 42-го, ровно через год после проводов на войну отца, в первой половине дня появилась на мотоциклах немецкая разведка. За три дня немецкие войска заполнили Привольное. Стали маскироваться от бомбежек и ради этого почти под корень вырубили сады, на выращивание которых ушли десятилетия.

От Ростова и до Нальчика — столицы Кабардино-Балкарии — немцы двигались, практически не встречая сопротивления. Советские войска были дезорганизованы. Но за Нальчиком начали действовать заградительные отряды, в задачу которых входило выполнение приказа Сталина №227, известного под названием “Ни шагу назад”. Из отступавших быстро

формировались части, которые тут же направлялись на передовую. В результате огромных усилий под городом Орджоникидзе (ныне Владикавказ) немецкие войска, рвавшиеся к бакинской нефти, были остановлены, и, как оказалось, уже окончательно.

После того как немецкие части ушли дальше на восток, в Привольном остался небольшой гарнизон, потом его заменили каким-то отрядом — запомнились нашивки на рукавах и украинский говор. Началась жизнь на оккупированной территории.

Через несколько дней вернулась бабушка Василиса. С дедом она дошла почти до Ставрополя, но там их настигли наступающие части немцев. Дед кукурузными полями, оврагами перешел линию фронта, а бабушка со своими пожитками вернулась к нам — куда же еще!

Вылезли на поверхность те, кто дезертировал из армии. Большая часть из них стала служить немцам, как правило, в полиции. Однажды они явились к нам и учинили обыск. Не знаю, что они искали. Потом уселись на линейку, а бабушке Василисе приказали идти за ними в полицейский участок. Так она и шла через все село. Это было сделано, чтобы все видели, — жена председателя колхоза! Там ее долго допрашивали. Не знаю, что они хотели выяснить и что она могла сказать? Всё и так было ясно: муж ее — коммунист, председатель колхоза — находился в эвакуации, сын и зять — на фронте.

Возвращаясь домой с принудительных работ, введенных немцами, мать не раз рассказывала о прямых угрозах со стороны некоторых односельчан: “Это тебе не при красных”. Стали приходиться слухи о массовых расстрелах в соседних го-

родах, о каких-то машинах, травивших людей газом (после освобождения все это подтвердилось). Тысячи людей, большей частью евреи, были расстреляны под городом Минеральные Воды. По Привольному поползли слухи о готовящейся расправе над семьями коммунистов.

В нашей семье понимали, что первыми в этом списке будем мы. И мать с дедом Андреем спрятали меня на ферме за селом, где он работал. Расправа как будто намечалась на 26 января 1943 года, а 21 января наши войска освободили Привольное.

Запомнились мне эти дни. Думаю, что большое горе все-таки обошло наше село. В этом огромная заслуга старосты — престарелого Савватия Зайцева — деда Савки. Долго и упорно он отказывался быть старостой, но односельчане уговорили — все-таки свой. В селе знали, что Зайцев делал все, чтобы убедить людей от беды. А когда изгнали немцев, его осудили на 10 лет за “измену Родине”. Сколько ни писали мои односельчане о том, что оказался он старостой не по своей воле, что благодаря ему люди выжили, — ничего не помогло. Так и умер дед Савка в тюрьме как предатель.

Навсегда я запомнил, как глубокой ночью мы с матерью пробирались из дома, чтобы спрятать меня на ферме, где работал дед Андрей, в нескольких километрах от села. Была невероятная распутица. На Ставрополье это часто бывает — все-таки юг России. Поначалу казалось, что мы шли правильно, но в итоге — заблудились. Непроглядная ночь, нигде никакого огонька, дороги нет — вокруг только тьма. Мы все шли и шли, надеясь на что-то натолкнуться, — и просто упирались в темноту. И вдруг в эту зимнюю ночь полыхнула молния, и ударил

гром. На мгновение темнота отступила, и мы увидели невдалеке ферму. Там я и просидел несколько дней.

Немцы спешно отступали. Их командование, боясь попасть в новый “котел” после разгрома под Сталинградом, спешило вывести войска с Северного Кавказа. С каким восторгом мы встречали красноармейские части! Нам уже были не страшны летающие “юнкерсы”, которые, видимо, отслеживали продвижение наших войск...

Фронт еще раз, теперь уже на запад, прокатился через наши края. Надо было снова налаживать жизнь, восстанавливать колхоз. Но как? Все разрушено, ни техники, ни скота, ни семян. Пришла весна. Землю пахали на коровах из личного подворья.

Потом собирали семена, сдавали, кто сколько может. Урожай, конечно, в 1943 году был плохой. Еще бы, откуда ему взяться? Но и то, что вырастили, почти всё отдали государству для фронта. Зимой и весной 1944 года начался голод. Мать вместе с другими односельчанами отправилась на Кубань: говорили, что там можно купить кукурузу. Из сундука были извлечены вещи отца: две пары новых хромовых сапог и костюм, так ни разу и не надетый, для обмена на зерно. Уезжая, мать отмерила мне на каждый день по горстке кукурузы, из последних в доме остатков. Я молот из нее крупу и варил кашу.

Проходит неделя — вторая, а матери нет. Лишь спустя еще несколько дней она вернулась с мешком кукурузы.

Оказывается, отцовы вещи в обмен пошли хорошо, и мать выручила мешок кукурузы — целых три пуда. Но перед отъездом был уговор — на каждого едока можно купить пуд, не больше. Нас с матерью тогда было двое — значит, два пуда,

32 килограмма. Вот и пришлось ей “лишний” пуд пешком, по непролазной грязи на себе нести. Потом земляки смиловились — положили ее ношу на воз! Закупленная кукуруза спасла нас. А тут еще и корова отелилась — значит, мы были и при молоке, и при кукурузе. В те времена это значило очень многое. В других семьях недоедали — пухли от голода. Часто мои приятели — соседские ребяташки — приходили к нам и молча стояли в дверях. Мать покряхтит-покряхтит и даст понемногу поесть.

Весной, как послание от Бога, на всеобщую радость, пошли дожди. И все вокруг — и в поле, и на огородах — стало расти. Земля нас выручила и на сей раз.

Была еще одна беда: товары в деревню практически не поступали. Ни одежды, ни обуви, ни соли, ни мыла, ни керосиновых ламп, ни спичек — ничего...

Сначала научились сами ремонтировать обувь и одежду. А когда это заплатанное старье окончательно расплзлось, стали искать другой выход — начали выращивать коноплю. Убирали вручную. Вязали снопы, мочили в реке, сушили, трепали, получали нитку — суровье. На “бабушкиных” ручных ткацких станках, спущенных с чердаков, чуть ли не в каждой хате ткали, а потом отбеливали полотно. Из него шили рубахи. Наденешь такую рубаху, а она колоколом стоит.

Овечью шерсть мыли, чесали, на веретене крутили нить и ткали примитивное грубое сукно для изготовления верхней одежды. Из шкур животных, которые предварительно квасились, очищались от шерсти, сушились, мялись и пропитывались мазутом, делали примитивную обувь. Соль добывали из Соленого озера, находившегося в пятидесяти пяти километрах

от Привольного. Непонятным способом доставали кальцинированную соду и научились делать мыло. Спичек не было, огонь высекали из кремня, разжигая пропитанную золой вату, для самодельных “спичек” брали тол из противотанковых гранат. Для освещения использовали лампы, “коптилки” из рядных гильз. Когда понемногу стал появляться керосин — сами начали делать лампы. Удивительно живуч и вынослив наш народ.

В апреле 1943 года умерла мать моего отца — бабушка Степанида. Она умирала долго и страшно мучилась, сильно переживала за сына. Она так и не дождалась письма с фронта — оно пришло буквально через несколько дней после ее смерти.

Бабушка Степанида родила деду шестерых детей. Половина из них умерли с голоду в 1933 году. В отличие от деда Андрея она была доброй и заботливой: всех жалела, особенно маленьких детей. Ее старшая дочь — моя тетя Настя — осталась одна с тремя малышами, когда ее муж ушел на фронт. И сколько же души бабушка Степанида отдала внукам: все они остались живы, выросли, а их отец погиб на фронте. Мы с бабушкой Степанидой были в дружбе. Мне повезло.

Мы стали часто получать письма от отца. Казалось, что больше нам ничего и не нужно: мы живы, и он жив. Мать благодарила Господа Бога. В те трудные, страшные годы люди снова вспомнили Бога.

В конце лета 1944 года с фронта пришло какое-то загадочное письмо. Открыли конверт, а там документы, семейные фотографии, которые отец, уходя на фронт, взял с собой, и короткое сообщение, что погиб старшина Сергей Горбачев смертью храбрых в Карпатах.

Когда я стал Президентом СССР, министр обороны Д.Т. Язов сделал мне уникальный подарок — книгу об истории войсковых частей, в которых в годы войны служил отец. С огромным волнением я читал тогда и перечитываю сейчас одну из военных историй и еще яснее и глубже понял, каким трудным был путь к победе и какую цену наш народ заплатил за нее.

Многое я знал от отца: где воевал, в какие ситуации попадал. Теперь передо мной документ. После мобилизации отец попал в Краснодар, где при пехотном училище была сформирована отдельная бригада под командованием подполковника Колесникова. Первое боевое крещение получила она в ноябре-декабре 1941 года в боях под Ростовом в составе 56-й армии Закавказского фронта. Потери бригады были огромны: убито 440, ранено 120, пропало без вести (как правило, это погибшие) 651 человек. Отец остался жив. До марта 1942 года держали оборону по реке Миасс. И опять большие потери. Бригаду отправили в Мичуринск для реформирования в 161-ю стрелковую дивизию, после чего — на Воронежский фронт в 60-ю армию под командованием генерала Ватутина.

Дивизия участвовала в битве на Курской дуге, в Острогжско-Россошанской и Харьковской операциях, в форсировании Днепра в районе Переяслава-Хмельницкого и удержании известного Букринского плацдарма.

Отец рассказывал, как под непрерывными бомбежками и ураганным артогнем переправлялись они через Днепр на рыбацких лодчонках, “подручных средствах”, самодельных плотках и пароммах. Отец командовал отделением саперов, обеспечивавшим переправу минометов на одном из таких

паромов. Среди разрывов бомб и снарядов плыли они на огонек, мерцавший на правом берегу. И хотя это было ночью, казалось ему, что вода в Днестре красная от крови.

За форсирование Днестра получил отец медаль “За отвагу” и очень гордился ею, хотя были потом и другие награды, в том числе два ордена Красной Звезды. В ноябре-декабре 1943 года их дивизия участвовала в Киевской операции. В апреле 1944 года — в Проскуровско-Черновицкой. В июле-августе — в Львовско-Сандомирской, в освобождении города Станислава. Потеряла дивизия в Карпатах 461 человека убитыми, более полутора тысяч ранеными. И надо же было пройти через такую кровавую мясорубку, чтобы погибнуть в Карпатах.

Три дня плач стоял в семье. А потом... приходит письмо от отца, мол, жив и здоров.

Оба письма помечены 27 августа 1944 года. Может, написал нам, а потом пошел в бой и погиб? Но через четыре дня получили от отца еще одно письмо, уже от 31 августа. Значит, отец жив и продолжает бить фашистов! Я написал ему письмо и высказал свое негодование в адрес тех, кто прислал письмо с сообщением о его смерти. В ответном письме отец взял под защиту фронтовиков: “Нет, сын, ты напрасно ругаешь солдат — на фронте все бывает”. Я переживал в связи со сказанным отцом.

Уже после окончания войны он рассказал нам, что же произошло в августе 1944-го. Накануне очередного наступления саперы получили приказ: ночью оборудовать на горе Магуре командный пункт. Гора покрыта лесом, и только макушка была лысой с хорошим обзором западного склона. Тут и ре-

шили ставить КП (командный пункт). Разведчики ушли вперед, а отец со своим отделением саперов начал работать. Сумку с документами и фотографиями он положил на бруствер вырытого окопа. Внезапно внизу раздался какой-то шум, а затем — выстрелы. Саперы бросились врассыпную. Спасла темнота. Ни одного человека не потеряли. Просто чудо какое-то. Отец шутил: “Второе рождение”. На радостях и написал письмо домой: мол, жив и здоров, без подробностей.

А утром, когда началось наступление, пехотинцы отцову сумку на высоте обнаружили. Решили, что погиб при штурме горы Магуры, и послали часть документов и фотографии семье.

И все-таки война оставила старшине Горбачеву свою метину на всю жизнь... Как-то после трудного и опасного рейда в тыл противника, разминирования и подрыва коммуникаций, после нескольких бессонных ночей группе дали недельный отдых. Отошли от линии фронта на несколько километров и первые сутки просто отсыпались. Кругом лес, тишина, обстановка совсем мирная. Солдаты расслабились. Но надо же было случиться, что именно над этим местом разыгрался воздушный бой. Отец и его саперы стали наблюдать — чем все это кончится. Уходя от истребителей, немецкий самолет сбросил весь свой бомбовый запас.

Свист, вой, разрывы. Все бросились на землю. Одна из бомб упала неподалеку от отца, и огромный осколок рассек ему ногу. Несколько миллиметров в сторону — и отрезало бы ногу начисто. Но опять повезло, кость не была задета.

Это случилось в Чехословакии, под городом Кошице. На том фронтовая жизнь отца окончилась. Лечился в госпитале в Кракове, а там уже скоро и 9 мая 1945 года подоспело, День Победы.

Война — страшная трагедия для всей страны. Поручено было многое из того, что с таким трудом создавалось. Поручена надежда на близкую счастливую жизнь. Поручены семьи — дети остались без отцов, жены — без мужей, девушки — без женихов.

Самые трудные и страшные испытания выпали на долю фронтовиков. Перед этим поколением мужчин и женщин в долгу люди Земли. До конца своих дней отец не мог освободиться от пережитого в годы войны. Он много рассказывал о войне. Каким тяжелым было ее начало, не хватало оружия, да и воевать-то не умели.

Под Таганрогом дали их участку фронта подкрепление — несколько тысяч моряков Черноморского флота. Ребята молодые, отборные — кровь с молоком: “Ну, пехота, мы вам покажем, как это делается”. В один из дней разгоряченные водкой моряки густыми цепями, со штыками наперевес пошли в атаку. А немцы встретили их огнем пулеметов и минометов. Так и остались они почти все на этом поле. Земля покрылась телами в черных бушлатах и тельняшках.

Под Таганрогом отец участвовал в рукопашном бою. Потом рассказывал. В голове одно: или тебя, или ты. Никаких других мыслей. Бьешь, колешь, стреляешь, как зверь. Не все выдерживали. Да и остальные только через несколько часов с трудом возвращались в нормальное состояние. Я видел, что даже много лет спустя отцу тяжело было об этом рассказывать.

В военные годы я, как и все, пережил многое. Но когда заходит речь о войне, вспоминаю одну кошмарную картину. В конце февраля — начале марта 1943 года я с другими ребятами в поисках трофеев забрел на дальнюю лесополосу между

Привольным и соседним кубанским селом Белая Глина. Там мы наткнулись на останки красноармейцев, принявших здесь последний свой бой летом 1942 года. Описать это невозможно: истлевшие тела, черепа в стальных проржавевших касках, из прогнивших гимнастерок — выбеленные кисти рук. Тут же ручной пулемет, гранаты, стреляные гильзы. Так лежали они, непогребенные, в грязной жиже окопов и воронок, взирая на нас черными зияющими дырами глазниц...

Тех безымянных солдат схоронили в братской могиле. Никогда мы не воспринимали их как чужих, сторонних людей. В центре Привольного сейчас стоит скромный обелиск. На нем высечены фамилии тех, кто не вернулся с войны. Среди них — Горбачевы.

Когда война кончилась, мне было 14 лет. У меня до сих пор стоит в глазах разоренная послевоенная деревня. Вместо домов мазанки, везде печать запустения, нищеты. Наше поколение — поколение детей войны. Она опалила нас, наложила свой отпечаток и на наши характеры, на все наше мировосприятие.

То, что мы пережили в детстве, наверное, объясняет, почему именно мы, дети войны, решили менять устоявшийся образ жизни. Мы, мальчишки, на плечи которых легла ответственность за выживание семьи, за собственное пропитание, в одночасье стали взрослыми. Разломы жизни, мира, которые мы увидели, участниками которых мы стали, сразу перенесли нас из детства во взрослую жизнь. Мы продолжали радоваться жизни, как дети, мы продолжали играть в подростковые игры, но где-то вторым зрением мы смотрели на свои игры уже взрослыми глазами.